

Топорков А.Л. Некоторые замечания по поводу переписки Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал // *Donum homini universalis*: Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М., 2011. С. 397-408.

А.Л. Топорков (Москва)

Некоторые замечания по поводу переписки
Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал¹

Отдельные письма Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал были известны и ранее, однако в таком объеме их переписка становится доступной впервые благодаря самоотверженной работе Н.А. Богомолова, М. Вахтеля и Д.О. Солодкой, которые подготовили тексты к изданию, прокомментировали их и снабдили вступительными статьями². Согласно общей нумерации, в публикацию включено 522 письма Вяч. Иванова к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову³. Кроме этого, в основном тексте книги и в комментариях к отдельным письмам приведено большое число писем Л.Д. и В.И. к другим корреспондентам; например, на с. 713-739 1-го тома помещено 32 письма Л.Д. к М.М. Замятниной. Помимо писем, книга включает также фрагменты дневников Л.Д. и В.И. Общий объем переписки — около 1300 страниц — впечатляет своим фундаментальным характером. Каждое из писем и других документов сопровождается комментарием, включающим переводы иностранных текстов, необходимые пояснения, сведения об упоминаемых в письмах персонажах, атрибуцию литературных цитат и т.д.⁴

Письма расположены в хронологическом порядке и при этом композиционно разбиты по годам. Кроме этого, текст имеет «Интродукцию», включает 5 «Интермедий», «Финал» и «Краткое прибавление после финала». Такая структура не только придает эпистолярному собранию стройность и законченность, но и делает ее неким подобием художественного целого.

Значение данной публикации прежде всего определяется тем, что исследователи получают в свое распоряжение колоссальный объем информации о жизни Вяч. Иванова на протяжении примерно десятилетия с 1894 по 1904 гг. На это время приходятся такие знаменательные для поэта события, как его разрыв с первой женой Дмитриевской и сближение с Л.Д., а впоследствии и венчание с ней; подготовка первого поэтического сборника Иванова «Кормчие звезды»; работа над его немецкой диссертацией, ученые занятия в Афинах; совместные путешествия Л.Д. и В.И. в Святую Землю; их проживание в Риме, Лондоне, Афинах, Париже и других российских и европейских городах.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 08-06-00070а 2008-2010 «Фольклор и миф в пространстве литературного текста (Тайнопись «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова)».

² *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894-1903. М., 2009. Т. 1-2.

³ Далее в целях экономии места используются сокращения: Л.Д. — Л.Д. Зиновьева-Аннибал, В.И. — Вяч. Иванов. Цитаты из издания: *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894-1903 (М., 2009. Т. 1-2) приводятся с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

⁴ Отметим, что, помимо тех явных цитат, которые имеются в тексте и отмечены в комментариях, в переписке присутствуют и скрытые цитаты, которые еще предстоит выявить и атрибутировать будущим исследователям.

Переписка создает необходимую фактологическую базу для реконструкции биографии Иванова в ранний («досимволистский», «добашенный») период его жизни. Она позволит будущим исследователям внести необходимые исправления в биографию Иванова, в свое время написанную О.А. Шор (Дешарт)⁵.

В письмах фигурируют многочисленные цитаты из Пушкина, Лермонтова, Гете, Ницше и других русских и зарубежных писателей и поэтов, что в совокупности позволяет судить о литературных вкусах и пристрастиях В.И. Письма дают ценный материал не только для комментария первой поэтической книги Иванова, которая в них многократно упоминается, но и для понимания его последующих поэтических и прозаических произведений. Мы видим, что целый ряд идей Иванова, сформулированных им в его статьях в общем виде, первоначально фигурировал в его письмах в драматическом биографическом контексте. Например, поразительное письмо от 5/17 июня 1895 г. раскрывает его взгляды на природу любви (1,250-252). Читатель имеет возможность проследить, как характерная для Иванова высокая оценка «достоинства женщин» формируется в бурном противостоянии и одновременно страсти к Л.Д.

Эпистолярный роман. Переписка имеет глубоко личный, интимный, а подчас и драматический характер. В.И. в переписке с Л.Д. открывается с новой стороны, вызывая человеческое сочувствие.

Жизнь В.И. и Л.Д. напоминала роман, что отмечал и сам В.И.: «В моей передаче, краткой впрочем и совершенно правдивой, истории нас всех показались мне самому каким-то романом: подумай только – наша любовь, трагическая внутренняя борьба, отказ Д<арьи> М<ихайловны> своему обожателю, преследования твоего мужа, наше полуизгнание... Моя этическая подруга была видимо импрессионирована нашей романтической историей...» (1,477).

Роман В.И. и Л.Д. развивается на фоне Рима, Флоренции, Парижа, Берлина, Лондона, Женевы, Лозанны, Берна, других зарубежных городов и сельских поселений, а время от времени он переносится в Москву и Санкт-Петербург. Европейские города, в которых оказываются В.И. и Л.Д., заполнены русскими, которые там работают, учатся, воспитывают своих детей и т.д. В целом переписка дает чрезвычайно живую картину жизни русских в Европе на рубеже XIX-XX вв. В одном из писем В.И. колоритно отражаются впечатления «русского европейца», возвращающегося на родину со словами: «Прощай, родная Европа...» (1,215); здесь, конечно, пародийно переосмыслены слова М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...».

Основной сюжет этого эпистолярного романа связан с драматическим столкновением интересов и характеров мужчины и женщины (как бы сказали теперь, маскулинных и фемининных стереотипов поведения). Иванов время от времени пытается утверждать свое мужское превосходство, но тут же получает отпор и вынужден с ним согласиться. Сквозной сюжетный ход заключается в том, что Л.Д. настаивает на своем и побеждает, а Иванов сначала сопротивляется, но потом подчиняется ее воле, и именно в этом смиренном подчинении женщине проявляется его сила как мужчины.

Письма Л.Д. — это еще и памятник феминистского движения рубежа XIX-XX вв.; см., например, в письме Л.Д. к В.И. от 30 апреля / 12 мая 1895 г.:

⁵ Эта работа отчасти уже выполнена в недавней книге Н.И. Богомолова «Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники» (М., 2009).

«Еще одно больно поразило меня в твоём письме, ты, конечно, не догадаешься, т.к. писал это совершенно бессознательно и бессознательно выдал свою «мужскую» душу, кот<орая>, как и у всех Вас была, есть и будет нам врагом. Ты пишешь, что знай ты о намерении матери приехать «освободить» дочь, «ничто в мире не заставило бы тебя отделить паспорт». Ты знаешь, я краснею, когда читаю и пишу эту фразу. О, как живо напомнило это мне моего мужа! О, как Вы все похожи! Вы способны для защиты своего мужского деспотизма и самолюбия пользоваться даже «паспортной системой» варварской России! Вячеслав, прочитав эти строки, да и всё письмо, я подумала: «О, какое счастье, что я не его жена, что я ничья жена и, видит небо Италии, я никогда ею не стану!» Ну вот мне и легче стало, я всё выразила, что бурлило в душе моей» (1,205-206). Не менее выразительны слова Л.Д. в письме к В.И. от 4-5 / 16-17 июня 1895 г.: «Не думаю, чтобы я еще когда-либо ожила для любви к другому. Слишком больно разочарование, а мужчины, вероятно, все наши враги» (1,247).

Впрочем, с течением времени проблемы ревности и соперничества теряют свою актуальность. Переписка меняет свой характер: тема «рокового поединка» любовников уступает место тематике семейной жизни, ориентированной на воспитание детей и продолжение ученых занятий В.И. Все больше места занимает в письмах подрастающая общая дочь В.И. и Л.Д. Лидия. Л.Д. описывает в письмах к В.И. свои материнские радости: ее волнуют проблемы кормления девочки, состояние ее здоровья и т.д.

В переписке вырабатывается своеобразный тип творчества, обращенного к одному единственному человеку, который «знает», то есть связан с автором общими воспоминаниями, причем никто другой заведомо понять такой текст не может, поскольку лишен общей памяти с автором. В одном из своих писем Л.Д. точно описала эту ситуацию (речь идет о том, что Л.Д. попыталась читать матери свой роман «Пламенники»): «Третьего дня читала первую главу матери: она *ничего* не поняла, т.е. *ничего*, даже ни одной картины не поняла, и в «мечтах» увидела лишь пейзаж. Я была даже импрессионирована и подумала, быть может, понимаем лишь мы с тобою, так как мы *знаем*, а другие *никто ничего* не поймет» (1,486).

В переписке респонденты то и дело переходят с одного языка на другой; приводят отдельные обороты и фразы на французском, немецком, итальянском, английском. Некоторые письма целиком написаны по-итальянски. Литературные цитаты приводятся на языке оригиналов, часто с небольшими изменениями, призванными приблизить цитаты к текущей ситуации.

Эпистолярная культура. Переписка представляет интерес и как памятник своеобразной эпистолярной культуры, неотвратимо уходящей в прошлое в наше время мобильных телефонов и электронных сообщений.

Количество писем, которые пишут Л.Д. и В.И. друг другу и другим корреспондентам просто поражает. Иногда одному и тому же корреспонденту пишут по два-три письма в день⁶. Иногда один человек пишет подряд множество писем разным корреспондентам. На это может уходить большая часть дня или даже весь день целиком.

Довольно часто письма пишутся в виде дневниковых записей или в виде отчета о проведенном дне. Когда такие письма следуют одно за другим, они создают подобие дневника. Возможна и другая ситуация: человек ведет дневник, но время от времени дает его прочитать своему респонденту. В первом

⁶ Ср. в письме Л.Д. к В.И. от 21 июня / 3 июля 1896 г.: «Представь себе, Славинька, что я пишу тебе третье письмо сегодня. Вот что значит тоска! А ты не пишешь» (1,395).

случае письма сближаются по своей функции с дневником, во втором — дневник сближается с перепиской.

В некоторых письмах события описываются по мере того, как они развертываются вокруг автора письма. В этих случаях в письме создается своеобразная «хроника текущих событий», а адресат при чтении письма получает возможность ощутить непосредственное течение жизни своего респондента.

В принципе письма являются продуктом индивидуального творчества, однако они могут приобретать и черты творчества коллективного. На письмах Л.Д. к В.И. делают свои приписки другие родственники или близкие. Если Л.Д. и В.И. находятся вместе, то они могут писать совместные письма общим знакомым или один из супругов делает приписки на письме другого.

Многократно возникают такие ситуации, когда В.И. ведет параллельно переписку с Л.Д. и с ее дочерью Верой, а также с М.М. Замятниной, которая живет вместе с ними. При этом респонденты В.И. могут показывать друг другу и свои письма к нему и письма В.И. к ним. Поскольку все они участвуют в одних и тех же событиях, которые по-разному описывают в своих письмах к В.И., создается своеобразная игра точками зрения.

Грустные переживания вызывает временной разрыв между написанием и отправлением письма, с одной стороны, и его получением и чтением — с другой⁷. Необходимость писать письма вызывает скорее досаду и сетования на то, что они не в силах заменить живое общение; например, В.И. пишет Л.Д. 12/14 июля 1896 г.: «Писать ничего не хочется. Писать тяжело, когда в глазах только твой образ, в ушах — твой голос; письмо как будто отдаляет свидание» (1,461).

Письма вызывают обширную гамму чувств, преимущественно позитивно окрашенных, но подчас и весьма негативных. К первым можно отнести радость при получении и чтении письма, ко вторым — страх и тревогу из-за отсутствия письма⁸, негодование по поводу упреков респондента, сетования на его ревность, непонимание и «душевную тупость». Показателен эпизод, когда во время ссоры Л.Д. отправляет В.И. назад его письма, требуя, чтобы он перечитал их и вернул ей обратно, что он и выполняет⁹.

Ожидание поезда или почтальона, походы на почту для получения письма или его отправки, расчеты времени, когда может прийти письмо или когда лучше отправить его, чтобы оно пришло в определенный день, — все это становится важным фактором, определяющим образ жизни.

Письмо как материальный предмет связывает любовников и позволяет им переноситься в своих мечтах друг к другу; Ср. в письме Л.Д. к В.И. от 1/13 января 1897 г.: «Наши чувства и жалости встретились: мой возлюбленный, я давно задумала послать тебе депешу, но т.к. рассчитала, что получишь мое письмо в вечер 31-го Дек<абря>, то хотела послать депешу позднее, чтобы она пробудила тебя утром и ты ощутил бы тепло, как от моего прихода неожиданного, как от жара моего объятия. Твою депешу ношу на груди. Уже 11

⁷ Ср. в письме Л.Д. к В.И. от 12/24 мая 1895 г.: «Милый, вот уже неделя, что я не имею слова от тебя, и скоро ли еще увижу твой почерк? Да и когда увижу, что скажут мне эти мертвые черные знаки, начертанные много дней назад тобою?» (1,221).

⁸ См., например, в письме В.И. к Л.Д. от 19 апреля / 1 мая 1898 г.: «Милая Лиля, сколько мучений пришлось испытать из-за того, что ты вчера оставила меня без письма! Все мы избегались на почту после каждого поезда!..» (1,574).

⁹ Об этом эпизоде см.: 1,235, прим. 2.1

час<ов>; я пришла на place Passy, т.к. отсюда я посылала тебе раньше письма и депеши, и здесь всё говорит о тебе и мучительно и сладко» (1,528).

Сам процесс чтения письма описывается как непосредственное общение с его автором; см. в письме В.И. к Л.Д. от 11-12/24-25 декабря 1901 г.: «Спасибо, детка! Точно твой голос слышал – через телефон, что ли? Словечки ласковые, на твоём языке, со всеми тонкостями их произношения, помогают этому впечатлению и, так сказать, сенсуализируют письмо, всегда как-то отвлеченное...» (2,49). В его же письме от 12-15/25-28 декабря 1901 г.: «Сердце все время сжималось, пока читал, и когда кончил, почувствовал острую боль: как будто ты была все время, пока я читал, со мною и все говорила мне что-то нежное и очень скорбное, и вдруг тебя опять нет, опять разлука...» (2,55).

Помимо самого содержания писем, значимы также некоторые материальные параметры: выбор цвета бумаги¹⁰, выбор между письмом и открыткой, почерк, запах. Вместе с письмом иногда посылают засушенный цветок; письма специально опрыскивают духами, чтобы они сохранили запах отправителя. «Запахи» посылают также в посылках в виде подушечек с ароматными травами.

В письмо вкладывают подчас листочки с текстами стихотворений или чужие письма; в этом отношении оно отчасти сближается с посылкой. Отмечены также случаи «неподобающего» обращения с письмами: их целуют¹¹, на них плачут, от чего на бумаге остаются пятна и буквы расплываются¹². Свое письмо к Л.Д. от 4/16 мая 1895 г., В.И. завершает словами: «Посылаю тебе бесконечные страстные поцелуи» (1,215). Как сообщают комментаторы, «диагонально по отношению к последним двум строкам письма о «бесконечных страстных поцелуях» имеется четыре значка в виде больших и неровных точек. Видимо, таким образом изображаются поцелуи» (1,215, прим. 4). Л.Д. подчас берет письма с собой в постель, отправляясь спать и испытывает от этого эротические переживания; ср. в письме Л.Д. к В.И. от 12/24 декабря 1896 г.: «Стихи твои прелестны и ужасно остроумны. Я в них влюбилась. Я спала с ними и с твоим письмом и утром проснулась оттого, что мне стало очень, очень хорошо. Странно, правда? Письмо было на простыне со мною» (1,486)¹³.

¹⁰ 3/15 мая В.И. пишет Л.Д.: «Голубые письма твои кажутся мне в Берлине голубой, тихо журчащей водицей. Они очень прохладны. Правда, после Италии мне здесь вовсе не жарко; но вскоре это будет по сезону. Впрочем, для остужения внутреннего, сердечного жара они уже очень полезны; и во всяком случае утоляют на время мою страстную жажду тебя, твоей близости, твоей речи, твоих ласк. Твой В. В Москву пиши на голубой бумаге (я все же люблю твои голубые письма); но конверты пусть будут лучше белые» (1,213). Как отмечают комментаторы, «большинство писем Зиновьевой-Аннибал этого периода написано на голубой бумаге и вложено в голубые же конверты, однако время от времени из-за нехватки письменных принадлежностей она использовала белые бумагу и конверты» (1,214, прим. 12).

¹¹ См., например, в письме В.И. к Л.Д. от 13/25 марта 1895 г.: «Лидия, возлюбленная, как жаль, что ты делаешь мне сцены письменно, а не устно: тогда бы я мог отвечать на них поцелуями, теперь же я осыпаю поцелуями твои строки, но ты не чувствуешь убедительности моего ответа» (1,177).

¹² В письме к В.И., написанном в ночь со 2 на 3 / с 14 на 15 июня 1895 г., Л.Д. описывает свое отчаяние и слезы: «Да, я плачу, и плачу, и плачу, и снова сон бежит меня...» (1,241). Л.Д. плачет на бумагу и целует ее: «Сердце разрывается. Пусть слезы мои льются на бумагу. Смотри, они льются по тебе, из-за тебя. <...> Я целую эту бумагу» (1,242). По словам комментаторов, письмо «написано невнятно и залито слезами» (1,242). См. также в письме Л.Д. от 11/23 июня 1895 г.: «Я пишу, и рыдания мои аккомпанируют перу» (1,259).

¹³ См. также письмо Л.Д. к В.И. от 8/20 марта 1895 г.: «Пролежала в постеле <!> до часу дня. В постели, т.е. на моей кушетке, в моей прелестной, как храм красоты, комнате я получила твое письмо, мой возлюбленный. Перечитав его вволю, я прижала его к груди над сердцем, на то

Письма хранят, перечитывают их по несколько раз после получения¹⁴, а впоследствии возвращаются к ним снова¹⁵. В некоторых письмах В.И. Л.Д. подчеркивает отдельные фрагменты и делает приписки. Например, в письме В.И. от 10/22 марта 1895 г. Л.Д. подчеркивает карандашом фрагмент, выделенный курсивом: «...во мне нет вообще чувства добра и зла, а есть только одно фатальное сознание своего *однажды навсегда данного я, которое, я знаю, приведет меня в жизни еще ко многому хорошему и ко многому дурному, но всегда так, что я буду в каждом своем решении и поступке, мысли и слове, так же как до сих пор, чувствовать его фатальную необходимость, его роковую обусловленность законами моей личности*» (1,171). Сверху Л.Д. делает позднее приписку черными чернилами: «С такою натурою, надо, очевидно, честному человеку избегать вплетать свою судьбу с судьбою другого чело<веческого> существа, чтобы не приводить его после нескольких мгновений счастья к грани отчаяния и неверия (1,172, прим. 2).

Дети сначала только фигурируют в письмах родителей друг к другу. Их физическое присутствие в самих письмах пока минимально. Например, однажды Л.Д. обводит на бумаге ножку дочери Лиды и отправляет бумагу в виде письма В.И. Однако с течением времени дети и сами включаются в переписку. Они делают приписки на письмах матери, адресованных В.И., или пишут письма самостоятельно. Такие детские письма, подчас наполненные орфографическими ошибками, становятся для детей не только средством выразить свои чувства к отсутствующему отчиму и отцу, но и практикой в овладении русской орфографией и эпистолярными формулами.

Переписка и «Повесть о Светомире царевиче». В свете опубликованной переписки «Повесть о Светомире царевиче» предстает как своеобразный памятник Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Для читателя переписки очевидно, что в образе Гориславы Вяч. Иванов воплотил воспоминания о своей возлюбленной. Горислава сочетает в себе те же противоречия, что и Л.Д.: это страстная натура, в одно и то же время язычница и христианка, праведница и менада. По существу Горислава разговаривает с Лазарем словами из писем Л.Д. к В.И. Хотя действие «Повести» отнесено к условно понятой эпохе Древней или Московской Руси¹⁶, психология главных персонажей — прежде всего Гориславы и Лазаря/Владаря — отчетливо имеет «декадентский» характер, в котором можно различить и следы знакомства автора с психологической прозой XIX в. (прежде всего с романами Ф.М. Достоевского), и следы символистского жизнотворчества.

Следует отметить, что переписка с Л.Д. хранилась в России и не была доступна Иванову в то время, когда он работал над «Повестью». Таким

место, которое ты любил целовать, и я точно почувствовала тебя во всем существе моем. Какие странные, новые, полные, гармоничные впечатления заставляешь ты меня испытывать» (1,168).

¹⁴ См. в письме Л.Д. к В.И. от 18/30 апреля 1898 г.: «Дорогой Кун, имею два твоих письма, перечитываю их три раза в день: утром, днем после завтрака, когда папа идет поспать, и вечером на сон. С тех пор, как имею их, мне стало значительно легче» (1,572).

¹⁵ В письме к Л.Д. от 8/20 декабря 1896 г. В.И. рассказывает, как он перечитывает старые письма и сверяет даты знаменательных событий в своих отношениях с Л.И.: «Сейчас, найдя случайно старые письма, открыл дату нашей прогулки в Колизей: понедельник, 16-го Июля 94 г. — 17-го мы ездили в Тиволи; 18-го ты уехала в Швейцарию. 15-го ты была в Анцио. Какое совпадение с датой переселения в Булонь. В ночь на 16-ое Июля 95 г. мы, в Булони, окончательно сошлись» (1,482).

¹⁶ Название страны, в которой разворачивается действие «Повести», в тексте не указано, но для читателя очевидно, что речь идет именно о Руси/России.

образом, он не имел возможности перечитать эти письма, даже если бы испытал такое желание. Очевидно, формулировки разговоров с Л.Д. и писем, в которых эти разговоры находили свое продолжение, актуализировались в памяти Иванова, когда он решил воплотить свои воспоминания о Л.Д. в образе Гориславы. Характерно, что в «Повести» к письмам Л.Д. восходят только отдельные формулировки (мотивы, словосочетания), а не фрагменты большего объема.

Всего мы обнаружили пока 14 таких параллельных мест между письмами Л.Д. к В.И. и «Повестью о Светомире царевиче». Приведем их в виде таблицы.

Обобщенное содержание (мотивы, формулы)	Письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову	«Повесть о Светомире царевиче» ¹⁷
Чтение потаенных мыслей другого человека.	Мы долго молчали. Потом он <В.И.> стал говорить обо мне. Он говорил, точно читал мои собственные мысли, мысли, которых я так боюсь (1,99) ¹⁸ .	И вспомнилась ему <Лазарю/Владарю> Горислава на дубравной прогалине, как песни ему пела колдовские, зазывные, и в очи ему зазывно глядела очами ласковыми и волшебными, и теми волшебными очами потаенные письма в сердце его читала... (I,12,2).
Чтение в чужой душе, как в книге.	«Я читала тебя, как книгу, переворачивая страницу за страницей с жадной любовью, и вдруг остановилась. Для меня открылась последняя страница. Книга выпала из рук, дальше читать уже нечего» (1,241).	Отвечала Отрада: «Читаешь ты в душе моей, как в книге отверстой, отче, и ничего мне от тебя не утаить...» (III,6,9).
Близость любовного чувства и желания покончить с собой.	...я знаю лишь одно: если не уничтожу в себе физическую жизнь самоубийством, я буду твоею во что бы то ни стало, если ты возьмешь меня, конечно. Среднего исхода нет (1,142-143). О мой возлюбленный, я умираю. Какая нелепость посылать меня к докторам. Ты, ты убиваешь меня, но я не смерть проклинаю, а жизнь, которая не хочет кончиться. <...> Ныне отпускаешь раба твоего, Господи, с миром... Больше ничто не удерживает меня (1,192).	<Слова Отрады> Чего, чего мне лукавый не нашептывает: сказать зазорно. На колдовство и срамоту подушает. Сотри, — говорит, — змею в пыль, с рудою-кровью смешай, да разденься перед Лазарем донага, да попляши, да тою кровью его и обрызни; как встрепанный вскочит, и тебя одну любить будет. А чаще убиться велит: ты, говорит, проклятая; сердца нечистойою и себя и Лазаря погубила; одно тебе осталось — руки на себя наложить (II,7,25-27).

¹⁷ «Повесть о Светомире царевиче» цитируется по изданию: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. Римская цифра обозначает книгу, арабские — главу и номер стиха.

¹⁸ Цитируется запись в дневнике Л.Д. от 7 октября 1894 г. Следует отметить, что Л.Д. давала читать свой дневник В.И., поэтому в данном случае позволительно цитировать дневник Л.Д. наряду с ее письмами к В.И.

Любовники/супруги глядят в глаза друг другу.	Ну, сцена кончилась, мой гнев выдохся, и я любовно беру тебя за обе руки и гляжу тебе в глаза, мой возлюбленный (174). Я бы хотела видеть тебя, чтобы спросить тебя, глядя в глаза твои: любишь ли ты меня, любишь ли? (1,206).	И вспомнилась ему <Лазарю/Владарю> Горислава на дубравной прогалине, как песни ему пела колдовские, зазывные, и в очи ему зазывно глядела очами ласковыми и волшебными, и теми волшебными очами потаенные письмена в сердце его читала... (I,12,2). Молитву сотворивши, стали супруги перед иконами и заглянули друг дружке в очи (III,5,1).
Жизнь без любимого/любимой подобна смерти.	Не знаю, друг мой, снесу ли я живую жизнь в гробу (1,179).	<Слова Лазаря/Владаря> Живой о живых жалеет, по мертвым плачет; а я-то жив ли воистину, и сам того не ведаю (I,20,7).
Лучше грешить, чем лишиться любимого.	Вся жизнь моя была чиста. Я ошибалась разумом, но не грешила чувством. Теперь, теперь страсть погубила меня. Я согрешила. <...> Да, Вячеслав, я Магдалина, но я несчастнее Магдалины. У меня нет Христа и нет пути помимо грешного, т.к. я создана не для святости, а для греха, и лишь любя я живу и расцветаю (1,184-185).	<Слова Отрады Лазарю/Владарю> Лучше согрешить хочу, нежели тебя лишиться (II,7,33).
Любовь к верховой езде.	Я не боюсь и никогда не пугаюсь никаких опасностей, я бравирую их на лошади, на море и перед людьми всякого рода... (1,221).	Подруг у Гориславы не бывало, одиночество ей не докучало: по степи любила скакать, да травы степные собирать... (I,8,9). Удержу ей не было: на коней необъезженных всакивала, быков бодливых в стаде дразнила. (II,7,4)
«Бешеная» подруга.	Ты будешь тосковать по своей «бешеной подруге», да, именно бешеной (1,238).	Всю руку я себе в те ночи зубами искусала, волчица бешеная (I,18,7).
Человек осмысляет самого себя в прошлом как другого человека.	...совершилось что-то роковое, бесповоротное, и я уже не та: я умерла, а воскресло другое существо, которое с благоговением вспоминает жизнь первого, умершего существа и с ужасом вдумывается в свою (1,233).	...и мнилось ему, не его те грехи, но другого, ему порученного и им небрегомого, но омытого от них чьею то сильною молитвою (II,19,3).
Признание в любви: «ты один для меня».	Быть может, встретится на моем пути человек, который не скажет мне: «Я люблю тебя больше другой», а скажет мне: «Я твой, и пока горит любовь к тебе, ты одна для меня, как я один для тебя» (1,242).	Без утайки скажу: люб ты мне, змееныш! Один на всем свете люб (I,9,12).
Женщина воспринимает страдание как удар	Приехав в Берлин ты бросился к перу и так просто, так наивно, и	Восстенала я, услышавши слово сие, что как оружие острое

ножом в сердце.	честно, и цинично вонзил мне острый нож в сердце, ударил меня по щеке (1,245).	грудь мою пронзило, и уста мои грешные, ропотливые, пролепетали: А я что? Ответствовал старец, и словно оружие то в груди моей повернул, но и льдину сердца моего упорного и мятежного как в огне растопил: Мир ти, дщи! (IV,12,9-10)
Женщина утверждает, что она пара своему возлюбленному.	Мы с тобой, мой возлюбленный, пара, мы оба не очень честны, но очень правдивы (1, 273).	Я тебе и в любви, и на царстве чета (I,9,12).
Формула «в нас одна кровь».	В нас одна душа, одна кровь течет (1,390).	Кровь кровь кличет, чужой не хочет (I,9,12).
Бездеятельный мужчина сравнивается с Ильей Муромцем, сидящим на печи.	Видишь, всякий мозгляк опередит тебя и понемногу разные улитки доползут до тебя, пока ты лежишь, как Илья Муромец (1,430).	С постели воспрянешь, богатырем могутным обернешься, как Илья Муромец, что тоже не мало годков за печкою сиднем сидел (II,7,15).

Жизненный опыт, который приобрел В.И. в процессе общения с Л.Д., оказал важнейшее влияние на формирование его личности. Переписка В.И. и Л.Д. должна быть осмыслена не только утилитарно (как источник информации), но и как своеобразный психологический роман в письмах, драматическая история любви, поисков и обретений. Эта переписка представляет собой также творческую лабораторию Вяч. Иванова, в которой отрабатывались его навыки прозаического письма, пригодившиеся ему впоследствии при работе над эссеистикой и «Повестью о Светомире царевиче».